

Сказка Туве Янссон " Елка "

Один из хемулей стоял на крыше и разгребал снег. На хемуле были желтые шерстяные варежки, которые в конце концов намокли и стали ему мешать. Тогда он положил их на трубу, вздохнул и снова взялся за дело. Наконец он добрался до чердачного окошка.

– Ага, вот оно, – сказал он. – А внизу разлеглись эти сони. Все спят, спят и спят. Пока другие тут надрываются. И все ради того, чтобы наступило Рождество.

Он встал на окошко и тихонько потопал по нему, так как не помнил, открывается ли оно внутрь или наружу. Оно сразу же открылось внутрь, и хемуль, окутанный' снежным облаком, свалился на кучу разного домашнего скарба, который муми-тролли снесли на чердак на хранение.

Хемуль был крайне раздосадован, он к тому же не очень хорошо помнил, куда он положил свои желтые варежки. А это были его любимые варежки. Хемуль протопал вниз по лестнице, распахнул дверь и закричал сердитым голосом:–"Скоро Рождество! Надоели вы мне со своим спаньем, Рождество может наступить в любую минуту!"

Семейство му ми-троллей, как всегда, погрузилось в зимнюю спячку. Они спали уже не один месяц и собирались проспать до самой весны. Тихонько покачиваясь в ласковых объятиях сна, они плыли сквозь долгий, нескончаемый летний полдень. Вдруг что-то тревожное и холодное нарушило сладкий сон Муми-тролля. И кто-то стаскивал с него одеяло и кричал, что ему надоели и что наступает Рождество.

– Уже весна... – пробормотал Муми-тролль.

– Какая весна?! – взорвался хемуль. – Рождество, понимаешь. Рождество. А я ничего не сделал, ничего не приготовил, и они в это время еще посылают меня вас откапывать. Варежки, наверное, пропали. И все носятся, как угорелые, и ничего не готово...

И хемуль протопал по лестнице и вылез через чердачное окошко.

– Мама, проснись, – испуганно зашептал Муми-тролль. – Случилось что-то ужасное. Они называют это Рождеством.

– Что ты имеешь в виду? – высунувшись из-под одеяла, спросила мама.

– Я точно не знаю, – ответил ее сын. – Но ничего не готово, и что-то пропало, и все носятся, как угорелые. Может, опять наводнение.

Он осторожно потряс фрекен Снорк и прошептал:

– Ты не пугайся, но говорят, произошло что-то страшное.

– Спокойствие, – сказал папа. – Только спокойствие.

И он пошел и завел часы, остановившиеся еще в октябре.

Ступая по мокрым следам хемуля, они поднялись на чердак и выбрались на крышу дома.

Небо было синее, как обычно, а потому об извержении вулкана на этот раз не могло быть и речи. Но всю долину завалило мокрой ватой – и горы, и деревья, и реку, и всю крышу. И было очень холодно, даже холоднее, чем в апреле.

– Это и есть твое Рождество? – удивился папа. Он набрал полную лапу ваты и принялся ее разглядывать. – Интересно, – сказал он, – интересно, она выросла прямо из земли? Или свалилась с неба? Если она падает вся сразу, то это, должно быть, очень неприятно.

– Но папа, это же снег, – сказал Муми-тролль. – Я знаю, это снег, и он не падает сразу весь.

– Неужели? – изумился папа. – Но все равно это неприятно.

Мимо на финских санях проезжала тетушка хемуля с елкой.

А, проснулись наконец-то, – сказала она, почти не глядя в их сторону. – Не забудьте про елку, пока не стемнело.

– Но зачем... – начал было Муми-папа.

– Мне сейчас не до вас, – бросила через плечо тетушка и укатила.

– Пока не стемнело, – прошептала фрекен Снорк. – Она сказала, пока не стемнело. Самое страшное произойдет вечером...

– По-видимому, для того, чтобы избежать опасности, необходимо приготовить елку, – размышлял папа. – Ничего не понимаю...

– И я тоже, – покорно промолвила мама. – Но все-таки повяжите на шею шарфики, когда пойдете за елкой. А я пока постараюсь затопить печку. Несмотря на грозящую им опасность, свои елки папа решил не трогать, потому что он их берег. Поэтому они перелезли через Гафсин забор и выбрали себе большую ель, которая Гафсе все равно бы не пригодилась.

– Ты думаешь, нам нужно будет под ней спрятаться? – с сомнением произнес Муми-тролль.

– Не знаю, – сказал папа, продолжая орудовать топором. – Я совершенно ничего не понимаю.

Они дошли уже почти до самой реки, как вдруг увидели Гафсу, которая неслась им навстречу, прижимая к груди кучу разных кулчков и пакетов.

Раскрасневшаяся и необычайно возбужденная, она, к счастью, не узнала свою елку.

– Шум и давка! – закричала Гафса. – Невоспитанным ежам вообще не следовало бы разрешать... И я уже только что говорила, что это стыд и срам...

– А елка... – сказал Муми-папа, в отчаянии вцепившись в ее меховой воротник. – Что делают с елкой?

– Елка... – машинально повторила Гафса. – Елка? О, какой ужас! Нет, я этого не вынесу... Ведь мне еще ее наряжать... Я же не успею...

Пакеты ее попадали на снег, шапка съехала на глаза, и она чуть не разрыдалась в истерике.

Муми-папа покачал головой и снова поднял елку.

А мама тем временем убрала с веранды снег, достала спасательные пояса и аспирин, папино ружье и грелки. Ведь могло произойти все что угодно.

В гостиной на самом краешке дивана сидел крошечный кнютт и пил чай.

Мама увидела его в снегу под верандой, и он показался ей таким жалким и несчастным, что она пригласила его в дом.

– Вот она, елка, – сказал Муми-папа. – Теперь бы еще выяснить, что с ней делать. Гафса считает, что ее нужно наряжать.

– Таких больших нарядов не бывает, – озабоченно сказала мама. – Что Гафса хотела этим сказать?

– Какая она красивая! – воскликнул крошка Кнютт и от смущения выпил до дна всю чашку. Он тотчас пожалел, что привлк к себе внимание, и сидел как на иголках.

– Ты не знаешь, как наряжают елку? – спросила фрекен Снорк.

Кнютт ужасно покраснел и прошептал:

– Красивыми вещами. Чтобы было как можно красивее. Так я слышал. – И сгорая от смущения, он закрыл лапками мордочку, опрокинул чашку и исчез за дверями веранды.

– А теперь немножко помолчите, я подумаю, – сказал Муми-папа. – Если надо, чтобы елка стала как можно красивее, то значит, речь идет не о том, чтобы прятаться под ней от Рождества, а о том, чтобы его задобрить. Я, кажется, начинаю понимать, в чем здесь дело.

Они тут же вынесли елку во двор и надежно установили ее в снегу. А затем принялись обвешивать ее сверху донизу всевозможными украшениями.

Они украсили ее ракушками с цветочной клумбы и жемчужным ожерельем фрекен Снорк. Они сняли с люстры хрустальные подвески и развесили их на ветках, а на верхушку водрузили красную розу из шелка, которую подарил папа Муми-маме.

Все несли все самое красивое, чтобы умиlostивить это непостижимое и грозное Рождество.

Когда елка была уже наряжена, мимо снова проехала тетушка хемуля на своих финских санях. Теперь она направлялась в противоположную сторону, и, казалось, она торопится еще больше, если это вообще было возможно.

– Поглядите на елку, – крикнул ей Муми-тролль.

– О, Господи! – воскликнула тетушка. – Впрочем, вы же всегда были с причудами. Однако я тороплюсь... Нужно приготовить рождественский ужин.

– Ужин? – изумился Муми-тролль. – Что, Рождество тоже ужинает?..

– А вы что же, полагаете, можно обойтись без рождественского ужина, – немного раздраженно сказала она и укатила вниз по склону.

Весь остаток дня мама ни на минуту не присела. И не успело стемнеть, как рождественский ужин был готов, угощение стояло под елкой, разложенное по маленьким чашечкам. Здесь были и сок, и протокваша, и черничный пирог, и гоголь-моголь, и прочие любимые муми-троллями лакомства.

– Как вы думаете. Рождество очень голодно? – забеспокоилась мама.

– Едва ли больше, чем я, – с тоскою в голосе сказал папа. Чуть ли не с головой закутавшись в одеяло, он сидел на снегу и терпеливо мерз. Но простые смертные должны смириться перед грозными силами природы. По всей долине в окошках загорались свечи. Загорелись свечки и под деревьями, и в каждом гнезде на ветвях, а по снегу засновали туда и обратно трепещущие огоньки. Муми-тролль взглянул на своего папу.

– Да, конечно, – кивнул папа. – На всякий случай.

И Муми-тролль пошел в дом и собрал все свечки, какие только смог найти.

Он воткнул их в снег, окружив ими елку, и стал осторожно зажигать одну за другой, пока все они не загорелись, чтобы умирить гнев Рождества.

Постепенно всякое движение в долине прекратилось: наверное, все разошлись по домам и теперь сидели и ждали, когда нагрянет беда. Лишь одинокая тень еще блуждала среди деревьев. Это был хемуль.

– Эй, – окликнул его Муми-тролль. – Долго еще ждать?

– Не мешайте, – проворчал хемуль, уткнувшись в длинный список, в котором почти все было вычеркнуто.

Он уселся возле одной из свечей и принялся что-то подсчитывать.

– Мама, папа, Гафса, – бормотал он. – Двоюродные братья, сестры... старший ежик... младшие перебьются. Снифф мне в прошлом году ничего не подарил. Миса и Хомса, тетя... с ума можно сойти.

– От чего? – испуганно спросила фрекен Снорк. – С ними что-нибудь случилось?

– Подарки! – завопил хемуль. – С каждым годом все больше и больше подарков!

Он что-то отметил в своем списке корявым крестиком и побрел дальше.

– Обожди! – закричал Муми-тролль. – Объясни нам... А твои варежки...

Но хемуль исчез в темноте, исчез, как и все остальные обитатели долины, так перепуганные приходом Рождества.

И тогда все тихонько, стараясь не шуметь, зашли в дом, чтобы подыскать подарки. Папа выбрал свою лучшую блесну, хранившуюся в очень красивой коробочке. "Рождеству" – написал он на коробочке и положил ее под елку. Фрекен Снорк сняла свое кольцо и, тихонько вздыхая, завернула в шелковую бумагу.

А мама открыла свой заветный ящик и достала книжку с цветными картинками и единственную книжку с цветными картинками во всей Муми-долине.

То, что упаковал Муми-тролль, было настолько личным и интимным, что никому не было дозволено взглянуть на эту вещь. Даже потом, уже весной, он никому не сказал, что это был за подарок.

Потом все уселись на снег и приготовились к самому худшему.

Время шло, но ничего не происходило. Лишь крошка Кнютт появился из-за сарая, тот, что. пил у них чай. С ним пришли его родственники и их друзья – все, как один, маленькие, серенькие, жалкие и продрогшие.

– С Рождеством вас, – робко прошептал Кнютт.

– Впервые слышу, чтобы с Рождеством поздравляли, – сказал папа. – Ты что же, совсем его не боишься? А вдруг оно придет?

– Да ведь оно уже здесь– пробормотал Кнютт, усаживаясь на снег. – Можно посмотреть? У вас такая чудесная елка...

– И такое угощение, – мечтательно добавил один из родственников.

– И настоящие подарки, – сказал другой родственник.

– Я всю жизнь мечтал посмотреть на все это вблизи, – со вздохом закончил Кнютт.

Все замолчали. Ночь была тихая и безветренная, и свечи горели ровным пламенем. Кнютт и его родственники, затаив дыхание, восторженно смотрели на подарки и рождественский ужин. И восхищение их было так велико, что мама в конце концов не выдержала и, пододвинувшись поближе к папе, прошептала:

– Как ты думаешь, а?

– Да, но а вдруг... – возразил папа.

– Ничего, – сказал Муми-тролль. – Если Рождество рассердится, убежим на веранду. И он повернулся к Кнютту и сказал:

– Берите, пожалуйста, это все вам. Кнютт не верил своим ушам. Он осторожно приблизился к елке, и следом за ним с восторженно подрагивающими усами потянулась вереница родственников и друзей.

У них никогда еще не было своего собственного Рождества.

– Теперь нам лучше отсюда убраться, – встревожился Муми-папа.

Они на цыпочках взбежали на веранду и спрятались под стол.

Но ничего страшного не произошло.

Немного осмелев, они посмотрели в окно. Вокруг елки сидели кнютты, они ели, рассматривали подарки, и им было весело, как никогда. Потом они забрались на елку и прикрепили к веткам горящие свечи.

– А на верхушке, наверное, должна быть звезда, – обратился к Кнютту его дядя.

– Ты так считаешь? – сказал Кнютт, задумчиво глядя на мамину шелковую розу. – Какая разница, если сама идея верна...

– Надо было достать еще и звезду, – прошептала Муми-мама. – Но это же невозможно! – И они посмотрели на небо, такое далекое и черное, все успанное звездами, которых было в тысячу раз больше, чем летом. А самая большая висела прямо над их елкой.

– Что-то спать хочется, – сказала Муми-мама. – И я устала ото всех этих загадок. Тем более, что ничего страшного не происходит.

– Я, например, уже не боюсь Рождества, – заявил Муми-тролль. – Наверное, Гафса и хемуль с тетушкой что-нибудь не так поняли.

Они положили желтые варежки хемуля на перила веранды, чтобы он сразу их увидел, и отправились досыпать и дожидаться весны.